

ИЗЪ ИСТОРИИ ПАПСТВА.

(Значеніе папы Льва Великаго въ развитіи идеи папства).

Идея папства, составляющая главное основаніе всей римско-католической вѣроисповѣдной системы и сообщающая особенный характеръ всему устройству римско-католической церкви, взятая въ самомъ общемъ своемъ опредѣленіи, есть идея главенства римскаго первосвященника въ церкви вселенской. Эта идея, по сознанію самихъ, болѣе безпристрастныхъ, римско-католическихъ ученыхъ (напр. Меллеръ, Ньюманъ, кардиналъ Виземанъ и изъ самыхъ новѣйшихъ Пихлеръ, авторъ „Исторіи разд. церквей“), есть идея историческая, а не догматическая (въ собственномъ смыслѣ слова, каковы истины откровенныя) и въ этомъ случаѣ она, какъ и всякая вообще человѣческая теорія, подлежитъ закону развитія. Обыкновенная судьба всѣхъ вообще теорій та, что онѣ развиваются только постепенно и не возможно указать ни одной теоріи, ни одной системы, которая бы сразу явилась въ законченномъ видѣ, недопускающемъ дальнѣйшаго развитія и проясненія основныхъ началъ ея. Неясность и неполнота содержанія, неопредѣленность самой формулировки, свойственныя въ большинствѣ случаевъ идеямъ чисто человѣческаго происхожденія, при ихъ возникновеніи въ отличіе отъ догматовъ вѣры, содержаніе которыхъ всегда остается равнымъ себѣ, благодаря ихъ божественному происхожденію эти несовершенства въ процессѣ историческаго развитія уступаютъ мало-по-малу въ умахъ послѣдующихъ поколѣній мѣсто вполнѣ опредѣленной системѣ, съ детальной обработкой. При этомъ чисто-внѣшнія и часто случайныя обстоятельства могутъ оказывать и оказываютъ значи-

тельное вліяніе на процессъ этого развитія. Тоже самое вполнѣ приложимо и въ отношеніи къ идеѣ папства, какъ идеѣ исторической, т. е. чисто-человѣческаго происхожденія, а не догматической—божественной, а потому неизмѣнной. Относя зарожденіе этой идеи въ душѣ римскихъ епископовъ къ самымъ первымъ вѣкамъ христіанства, не позднѣе трехъ (3) первыхъ; нужно сказать, что въ древней христіанской Церкви не было ясно выработаннаго признанія папской идеи.

Сначала высказывалась она неясно, папскій идеаль не предносился взорамъ римскихъ первосвященниковъ этого времени, какъ нѣчто вполнѣ опредѣленное и первыя обнаруженія папской идеи (т. е. стремленія къ господству надъ церковью) сказывались отрывочно, временами, когда на папскомъ престолѣ появлялись, или болѣе выдающіеся по своимъ качествамъ личности, или папскій престолъ находился въ какихъ-либо благопріятныхъ обстоятельствахъ для этого. Только съ теченіемъ времени, къ началу среднихъ вѣковъ, идея папства въ сознаніи нѣкоторыхъ выдающихся личностей на папскомъ престолѣ получаетъ большую опредѣленность и ясность, а въ средніе вѣка и до позднѣйшихъ дней становится постояннымъ преданіемъ римской церкви и даже догматическимъ вѣрованіемъ, получаетъ, благодаря трудамъ римскихъ епископовъ и богослововъ, видъ вполнѣ опредѣленной системы съ детальной обработкой и развитіемъ ея отдѣльныхъ частей.

Заслуга отдѣльныхъ личностей въ этомъ постепенномъ процессѣ историческаго развитія всякой вообще идеи или теоріи, а въ данномъ случаѣ идеи папства, опредѣляется тѣмъ, что каждая изъ этихъ личностей внесла новаго къ уясненію и разработкѣ этой идеи, насколько полно и опредѣленно она сознавала ее и помогла не только ея теоретическому развитію, но и практическому осуществленію. Въ этомъ отношеніи случается такъ, что одни принимаютъ отъ другихъ только готовое наследство, сами не внося ничего новаго, а напротивъ труды другихъ ощутительно сказываются и оказываютъ вліяніе на разстояніи многихъ послѣдующихъ поколѣній. Они какъ бы предвосхищаютъ то, что уже окончательно дѣлается достояніемъ позднѣйшихъ временъ. При этомъ одни способствуютъ болѣе теоретическому развитію идеи, другіе практическому ея осуществленію, а

нѣкоторыя тому и другому вмѣстѣ и дѣятельность ихъ по-
этому особенно важна.

Эти соображенія примѣнимы и въ данномъ случаѣ при
рѣшеніи вопроса о значеніи папы Льва Великаго въ дѣль
развитія идеи папства. Если папство есть явленіе историче-
ское и развитіе папской идеи совершалось постепенно, по
не безъ усилія со стороны самихъ папъ, какъ будто бы это
былъ законный историческій процессъ самой церковной
жизни, процессъ естественный; а напротивъ, какъ показы-
ваетъ исторія, совершалось искусственными и часто неза-
конными мѣрами, какъ измѣненіе основной мысли, ученія и
взглядовъ христіанской Церкви; то значеніе каждаго участ-
ника въ этомъ процессѣ развитія можно опредѣлить, если
указать, что новаго онъ сдѣлалъ по сравненію со своими
предшественниками и какъ далеко сказалось его вліяніе въ
послѣдующее время. И въ данномъ случаѣ относительно
значенія Льва Великаго въ развитіи идеи папства нужно
сдѣлать тоже самое, именно, разсмотрѣть, что онъ сдѣлалъ
новаго и принесъ въ развитіе этой идеи, насколько ясно,
полно и отчетливо выразился въ немъ идеаль папства, какъ
для того времени, въ которое онъ жилъ, такъ и сравнительно
съ тѣмъ развитіемъ этой идеи, какаго она достигла путемъ
многолѣтней работы римскихъ епископовъ и богослововъ
до позднѣйшихъ временъ. А для этого, конечно, необходимо
знакомство: 1) съ тѣми результатами, къ которымъ пришло
вѣковое развитіе идеи папства: 2) съ тѣмъ, что сдѣлано въ
эпоху предшествовавшую Льву В. и 3) какъ выразился иде-
аль папства въ самомъ папѣ Львѣ Великомъ 1).

Взаимное сравненіе всего этого можетъ показать, какъ
тотъ пробѣлъ, какаго существовалъ въ развитіи идеи пап-
ства, какою она является въ настоящее время и была въ
эпоху предъ Львомъ В.; а также и то, насколько Льву В.
удалось пополнить этотъ пробѣлъ и повліять на послѣдую-
щее развитіе этой идеи.

---

1) Ставя на первомъ мѣстѣ знакомство съ папской системой въ ея
позднѣйшемъ выраженіи и оставляя пока въ сторонѣ знакомство съ
тѣмъ, что сдѣлали предшественники Льва В., мы имѣемъ ввиду то, что
черезъ это легче можно будетъ замѣтить папскія тенденціи той эпохи
видѣть въ нихъ ничто иное какъ именно папство и отсюда называть
вещи ихъ собственными именами.

Для знакомства съ тѣмъ, къ чему привело вѣковое развитіе идеи папства излишне было бы слѣдить, какъ идея папства постепенно развивилось, обращалась въ цѣлую систему, имѣющую за себя массу каноническихъ и догматическихъ доводовъ, хотя бы и ложныхъ; достаточно остановить вниманіе на томъ моментѣ въ ея развитіи, который можно считать заключительнымъ въ этомъ отношеніи. А такимъ заключительнымъ моментомъ можно считать Ватиканскій соборъ съ его опредѣленіями, важнѣйшимъ изъ которыхъ было придано названіе; „Догматическая конституція о Церкви Христовой“ (*Constitutio dogmatica de Ecclesia Christi*) 1870 г. 10 мая.

На этомъ соборѣ, въ его „Догмат. констит.“..., которую нужно разсматривать, какъ опредѣленіе папской власти, подведенъ, можно сказать, итогъ всему многовѣковому развитію папства. Идеалы папства получили законченность; не только утверждены все прежнія притязанія папъ, но они доведены до конца, получили санкцію; папская система объявлена фундаментомъ всей христіанской вѣры, словомъ, сказано послѣднее слово, если не въ абсолютномъ смыслѣ слова, то для предшествующаго и настоящаго времени (Бѣляевъ „Идея папск. непогр.“ Введеніе).

Въ интересахъ знакомства съ тѣмъ, къ чему привелъ историческій процессъ развитія папской идеи, необходимо познакомиться съ содержаніемъ „Догматической конституціи“... хотя въ общихъ чертахъ. По своему содержанію „Догматическая конституція о Церкви Христовой“ состоитъ: изъ введенія, 4 главъ (1. объ установленіи апостольскаго первенства во св. Петрѣ; 2. о непрерывности первенства въ римскихъ епископахъ; 3. о силѣ и разумѣ первенства римск. епископа; 4. о непогрѣшимости римскаго епископа) и трехъ (3) каноновъ, приложенныхъ къ ней (Моск. Вѣд. 1870 г. № 103).

Въ своихъ существенныхъ чертахъ содержаніе ея представляется въ слѣдующемъ. Совершенное Сыномъ Божиимъ дѣло спасенія людей имѣетъ продолжаться постоянно до скончанія вѣка. И чтобы оно не могло прекратиться, чтобы открыть намъ всегдашнюю возможность къ усвоенію плодовъ искупленія, Господь благоволилъ создать Церковь и учредить въ ней іерархію. Постановилъ первѣе апостоловъ,

а потомъ пастырей и учителей, преемниковъ апостольскаго служенія. Въ Церкви всѣ вѣрныя должны быть соединены союзомъ вѣры и любви. Поэтому, создавши Церковь и учредивши въ ней іерархію, Господь благоволилъ дать Церкви залогъ постоянного и непрерывнаго единства и общенія ея членовъ. Именно, чтобы епископство было едино и нераздѣльно и чтобы чрезъ посредство соединенныхъ съ нимъ священниковъ въ нераздѣльномъ единствѣ вѣры и общенія находились всѣ вѣрующіе, Господь постановилъ блаж. Петра княземъ апостоловъ и видимымъ главою Церкви и даровать ему приматство юрисдикціи: т. е. Петръ сдѣлался незыблемою основой того и другого единства (т. е. епископства и христіанъ въ союзѣ вѣры и любви) и видимымъ фундаментомъ, на твердынь котораго долженъ былъ возвыситься вѣчный храмъ Бога. Эти особыя права и преимущества, дарованныя Петру, необходимо должны были сохраниться и продолжаться въ Церкви, какъ и ея существованіе, до скончанія вѣка. И они сохраняются до сихъ поръ и не могутъ прекратиться никогда, ибо ап. Петръ, князь и глава апостоловъ, столпъ вѣры и утвержденіе Церкви вселенской, живетъ, председательствуетъ и судитъ даже до нашего времени и всегда будетъ жить, председательствовать и судитъ въ лицѣ римскихъ епископовъ. Отсюда слѣдуетъ, что кто преемствуетъ ап. Петру по кафедрѣ, тотъ, по установленію Самого Христа, имѣетъ надъ всею вселенскою Церковью и Петрово приматство. Приматство же состоитъ въ томъ, что римскій епископъ есть истинный викарій Христа, глава всей Церкви, отецъ и учитель всѣхъ христіанъ, которому въ лицѣ ап. Петра дарована Господомъ полнота власти, чтобы пасти Церковь, устроить и управлять ею. Въ силу этого, и пастыри Церкви, и простые вѣрующіе, каждый порознь и всѣ вмѣстѣ, связаны относительно папы обязанностью іерархическаго подчиненія и повиновенія не только въ дѣлахъ вѣры и благочестія, но дисциплины и церковнаго управленія. Въ соответствіе съ такими полномочіями и прерогативами преемниковъ ап. Петра, всѣ установленія и распоряженія апостольскаго престола относительно церковнаго благоустройства, равно сношенія верховнаго пастыря съ пасомыми не могутъ подлежать никакому контролю со стороны земной власти. Такъ какъ папа председательствуетъ во вселенской

Церкви, то ему же принадлежит и верховный судъ, къ которому должно прибѣгать во всѣхъ дѣлахъ, подвѣдомыхъ Церкви. Выше этого суда нѣтъ другаго и на приговоры папъ не возможна уже никакая апелляція. Не довольствуясь признаніемъ верховнаго авторитета римскаго епископа во всѣхъ областяхъ церковной жизни, соборъ прибавляетъ въ опредѣленіи, что папа изъять отъ заблужденія по отношенію къ предметамъ вѣры, т. е. признаетъ непогрѣшимый авторитетъ папы.

Вотъ что говорится въ его опредѣленіи объ этомъ: „Въ понятіи апостольскаго приматства, которое имѣетъ надъ вселенскою церковью римскій епископъ, какъ преемникъ Петра, князя апостоловъ, заключается еще верховная власть учительства; святой престолъ всегда это содержалъ, постоянная практика церкви служитъ тому подтвержденіемъ, о томъ же свидѣлствуютъ и вселенскіе соборы, особенно тѣ, на которыхъ шли переговоры о соединеніи между востокомъ и западомъ и мы (Пій IX) неуклонно слѣдуя преданію, идущему отъ начала вѣры, для главы Спасителя нашего Бога, для возвышенія католической вѣры и спасенія народовъ, по благоизволенію св. собора, учимъ и опредѣляемъ, что каковъ есть богооткровенный догматъ; когда рим. епископъ говоритъ *ex cathedra*, т. е., когда, исполняя обязанности пастыря и учителя всѣхъ христіанъ, въ силу свойственной ему апостольской власти, онъ опредѣляетъ обязательное для всей церкви ученіе вѣры и благочестія, то, при божественномъ содѣйствіи, онъ обладаетъ тою непогрѣшимостью, какою божественный Искупитель благоволилъ надѣлать Свою церковь относительно опредѣленія предметовъ, касающихся вѣры и правовъ. Посему таковыя опредѣленія р. епископа не могутъ подлежать измѣненію уже сами по себѣ, а въ слѣдствіе согласія церкви“.

Таково общее содержаніе „Догматической конституціи“... изданной отъ лица римскаго епископа на Ватиканскомъ соборѣ.

Позднѣйшее время не сказало въ сущности ничего новаго. Это можно видѣть между прочимъ изъ статьи „Die altkatholische basis“, изданной по поводу II-го старокатолическаго конгресса 1897 г. въ журналѣ „Das vaterland“ (Прав. соб. 97 г. Дек. ст. 713). Здѣсь между прочимъ говорится, что

„папѣ въ лицѣ ап. Петра дарована власть управлять всею церковью и онъ въ силу того одинъ обладаетъ такою властію, на которой должна опираться и опирается жизнь церкви“. Поэтому, говорится далѣе, старокатолическіе епископы не обладаютъ никакою властію, ибо находятся внѣ союза съ папой и старокатоличество не имѣетъ базиса церковной жизни.

Здѣсь тѣже мысли, что и въ опредѣленіи Ватиканскаго собора. Такимъ образомъ, на Ватиканскомъ соборѣ утверждается, какъ учрежденіе божественное, полное главенство и абсолютная власть папы во вселенской церкви безъ ограниченія надъ всѣми вѣрующими, духовными и мірянами, во всѣхъ отношеніяхъ. Римскій первосвященникъ, какъ преемникъ ап. Петра, есть викарій Христа, глава церкви и ему должны повиноваться всѣ вѣрующіе безъ различія: 1) въ дѣлахъ вѣры и благочестія; 2) дисциплины; 3) церковнаго управленія. Ему же принадлежитъ верховный судъ въ церкви и на его приговоры невозможна апелляція; его распоряженія и сношенія съ пасомыми не подлежатъ контролю свѣтской власти. А отсюда слѣдуетъ мысль, что свѣтская власть папѣ, на которую заявляли особенное притязаніе папа Григорій VII и Иннокентій III, составляетъ необходимый атрибутъ р. епископа, который какъ глава вѣрующихъ, не можетъ стоять въ зависимости ни отъ какой земной власти и слѣдовательно для безпрепятственнаго отправленія своихъ верховныхъ пастырскихъ обязанностей долженъ быть независимымъ монархомъ. Его авторитетъ долженъ проникать всюду, гдѣ царствуетъ грѣхъ. Гдѣ же нѣтъ грѣха? И такимъ образомъ кто и въ какомъ отношеніи свободенъ отъ авторитета папы? Наконецъ, авторитетъ римск. первосвященника въ дѣлахъ вѣры не только верховный, но и непогрѣшимый.

Вотъ какой видъ приняла идея папства, какъ идея главенства р. епископа въ Церкви, на Ватиканскомъ соборѣ. Идеаль папства вполне опредѣленъ и папская система объявлена фундаментомъ христіанской вѣры и существеннымъ условіемъ спасенія. Это послѣднее вполне открывается изъ тѣхъ трехъ канонѣвъ, которые присоединены къ „Догмат. конст.“... съ цѣлію устранить подъ угрозой анаемы иное пониманіе положеній „Догматической конституціи“... именно, искаженіе мысли, что первенство римскаго епископа есть

первенство главенства, а не чести и имѣть божественное происхождение („Моск. Вѣд.“ 1870 г. № 103).

На самомъ же дѣлѣ эти каноны ограждаютъ анаемой и дѣлаютъ какъ бы догматической ту именно мысль папства, которая и явилась новшествомъ въ системѣ церковнаго ученія, съ которой начался и на которой сосредоточивался весь историческій процессъ развитія папской системы, именно, мысль, что папамъ принадлежитъ не первенство чести, а первенство власти по божественному праву. Къ доказательству законности этой мысли и относились всѣ труды римскихъ епископовъ, канонистовъ и догматистовъ на протяжении цѣлыхъ вѣковъ. Если римскіе епископы первыхъ вѣковъ христіанства и не имѣли опредѣленно выработаннаго идеала папства, а особенно въ такомъ видѣ, какъ онъ выразился позднѣе въ средніе вѣка и наконецъ на Ватиканскомъ соборѣ, то тенденція, перемѣнить и истолковать, первенство чести, не имѣющее ничего общаго съ началомъ монархической формы управленія (II Вс. Соб. пр. 2; 34 пр. апост.), въ смыслѣ супрематства, т. е. верховнаго абсолютизма, появилась очень рано.

Посмотримъ же теперь, насколько сильно заявляла себя эта тенденція и что сдѣлала эпоха, предшествующая папѣ Льву V., въ дѣлѣ развитія идеи папства; въ какомъ видѣ, объемѣ и широтѣ понималось тогда папское главенство.

Высокое гражданско-политическое значеніе Рима, столицы міра, было основаніемъ, по которому римскому епископу было предоставлено древнею христіанскою Церковью первенство чести въ ряду другихъ патріарховъ. Опредѣленія вселенскихъ соборовъ дѣлаютъ прямое указаніе на политическое значеніе города, какъ на единственное основаніе для признанія за извѣстнымъ епископомъ преимущества чести сравнительно съ другими. Таковы опредѣленія II вс. соб. 3 пр. и IV вс. соб. 28 пр. Каноническія опредѣленія древней Церкви не оставляютъ сомнѣнія, что преимущество чести, данное рим. епископу, не имѣетъ ничего общаго съ началомъ монархической формы управленія или папскаго всевластія (II вс. соб. 2 пр.; 34 пр. ап.); приматство р. епископовъ признавалось въ смыслѣ „*primus inter pares*“, а не въ смыслѣ полновластія, вытекающаго изъ божественныхъ полномочій. Въ замѣнѣ перваго смысла слова „приматство“ вто-

рымъ и въ стремленіи дать ему практическое осуществленіе и заявило исторически свое существованіе папство.

Мысль о видимомъ, единоличномъ главенствѣ во вселенской Церкви римскаго папы католическіе богословы стараются навязать еще отцамъ и учителямъ Церкви первыхъ вѣковъ и ссылаются въ этомъ случаѣ, какъ на восточныхъ отцевъ и учителей, напр.: Игнатія Богоносца, Климента Алекс., Оригена, Фирмилиана Кессарійск., Евсевія и др.; такъ и западныхъ: Иринея, Тертуллиана, Кипріана и др., употребляя при этомъ не совсѣмъ чистые приемы, какъ, напр., искаженіе, подлоги и неправильное толкованіе, безъ связи съ контекстомъ рѣчи, тѣхъ мѣстъ ихъ сочиненій, въ которыхъ говорится о важности рим. церкви и ея епископа, или о первенствѣ ап. Петра. Но всѣ эти ссылки католическихъ богослововъ на творенія отцевъ и учителей первыхъ трехъ (3) вѣковъ христіанства не могутъ служить подтвержденіемъ ихъ мысли.

„Ни въ одномъ изъ письменныхъ памятниковъ христіанской древности (до I Ве. соб.), говоритъ арх. Никаноръ ¹⁾, мы не находимъ мысли что римскій епископъ есть глава Церкви, что отъ него, какъ отъ главы, всѣ епископы получаютъ благодать и полномочіе (*ordienem jurisdictionem*). Молчать объ этомъ отцы и учителя первой христіанской древности даже тогда, когда нѣкоторые изъ нихъ, напр., Поликарпъ Смирнскій, Кипріанъ Карѣ. Фирмилианъ Кессар., прямо возставали противъ римскаго главенства: когда противъ этихъ противниковъ главенства другіе, современные имъ епископы, если бы вѣрили въ главенство, должны были бы всѣми силами отстаивать это основаніе вѣры и церкви христіанской: такое молчаніе равняется рѣшительному отверженію ученія о главенствѣ“. Можно сказать по этому, что до IV вѣка ни на востокѣ ни на западѣ не было не только яснаго ученія о видимомъ, единомъ главенствѣ въ Церкви, но даже и мысли объ этомъ, и это можно сказать даже относительно самихъ римскихъ епископовъ этого времени, за исключеніемъ только нѣкоторыхъ изъ нихъ, въ которыхъ

1) „Разборъ римск. ученія о видимомъ глав. въ Церкви сдѣланный на основаніи Св. Пис. и предан. первыхъ вѣк. хр. до I ве. соб.“, стр. 346. Казачь 1871 г.

дѣйствительно сказались тенденціи, характерныя для папства. Исторія сохранила и отмѣтила имена этихъ римскихъ епископовъ, предвозвѣстниковъ папства.

Оставляя въ сторонѣ ссылки римскихъ богослововъ на св. Климента римск., который будто-бы въ своихъ твореніяхъ весьма ясно и опредѣленно учитъ о главенствѣ ап. Петра и его преемниковъ, какъ не имѣющія достаточнаго основанія въ самыхъ его трудахъ, можно на основаніи несомнѣнныхъ данныхъ исторіи, указать только двухъ папъ первыхъ 3-хъ вѣковъ, въ которыхъ безспорно можно усматривать зародыши папскихъ тенденцій, это:—Виктора I (190—202) и Стефана (253—57).

Обстоятельства церковной жизни, въ которыхъ они проявили свое посягательство на свободу Церкви и этимъ отмѣтили свои имена въ Исторіи, извѣстны: это споръ о празднованіи Пасхи во время Виктора и—о крещеніи еретиковъ во времена Стефана. Первый судитъ дѣло о времени празднованія Пасхи и осуждаетъ мало-азійскія церкви за несогласіе съ обычаемъ римской; второй (Стефанъ) разбираетъ дѣло о крещеніи еретиковъ и грозитъ отлучить Церкви африканскія и др. отъ общенія, если онѣ не будутъ повиноваться ему. Оба они, какъ говорятъ римскіе богословы, (Беллярминъ, Либерманъ) поступаютъ такъ въ той мысли, что Церковь западная и восточная признавали за ними это право. Противъ этого утвержденія римскихъ богослововъ всего лучше говоритъ сама же исторія и та судьба, которая постигла притязанія этихъ папъ, а равно и отношеніе къ этимъ притязаніямъ современниковъ: Иринея Ліонск., Кипріяна Карч. (его посланіе Стеф. 72). Въ этихъ поступкахъ Виктора и Стефана нужно усматривать не признаніе древнею Церковію главенства римскаго епископа, а именно незаконное посягательство на церковную свободу, стремленіе возвысить свой авторитетъ. Здѣсь въ первый разъ высказалось въ папахъ сознаніе своего особеннаго положенія въ Церкви, какъ епископовъ міродержавнаго города, сознаніе ихъ верховной власти, будто они старѣйшіе епископы, имѣютъ право наблюдать за порядкомъ во всѣхъ церквахъ и требовать отъ нихъ строгаго согласія съ обычаями римской церкви, судить и даже отлучать другихъ епископовъ.

По свидѣтельству Фирмилиана Кессар., Стефанъ римскій,

въ спорномъ дѣлѣ о крещеніи еретиковъ, для подтвержденія своего мнѣнія, говорилъ уже, что римскій епископъ есть преемникъ Петра, на которомъ основана Церковь и ему, какъ и ап. Петру, должно больше повиноваться (*Form. ad Surv. epist. 11*). Но признавая въ этихъ папахъ первое проявленіе папскихъ тенденцій, едва-ли можно сказать, чтобы папскій идеалъ предносился ихъ взору, какъ нѣчто опредѣленное, была у нихъ ясная и отчетливая мысль о себѣ, какъ главѣ церкви, обладающей верховною властію во всѣхъ областяхъ церковной жизни и непогрѣшимымъ авторитетомъ. Здѣсь можетъ быть дѣйствовала не столько идея, сколько личное властолюбіе, которому дали пищу особенное положеніе ихъ въ церкви, а поводъ къ обнаруженію представившіяся благопріятныя обстоятельства. Съ IV вѣка идея главенства папы, зародившаяся въ душѣ римск. епископовъ первыхъ 3-хъ вѣковъ христіанства, получаетъ, благодаря счастливымъ обстоятельствамъ, дальнѣйшее развитіе, такъ что нѣкоторые ея элементы выступаютъ довольно опредѣленно. Стремленіе папъ къ государству стало ясно для всѣхъ и возмущало духъ такихъ пастырей Церкви, какъ Василій Великій.

Нѣкоторые факты изъ церковной жизни этого времени безъ сомнѣнія имѣли значительную долю вліянія въ дѣлѣ пробужденія и быстрого развитія папскихъ тенденцій; по крайней мѣрѣ сами папы могли видѣть въ нихъ какъ бы сочувствіе и поощреніе своимъ стремленіямъ.

Заслуживаетъ упоминанія въ этомъ случаѣ Соборъ Арльскій 314 г., собственно его письмо къ рим. епископу Сильвестру. Здѣсь папа называется имѣющимъ „высшую власть“ и соборъ отправляетъ къ нему свои постановленія съ тою цѣлію, чтобы они чрезъ римск. епископа сдѣлались извѣстны всѣмъ (Взято изъ „*Quellen zur geschichte des Papstums*“ D. Carl Mirbt). Гораздо больше значенія въ этомъ отношеніи имѣетъ Сардикійскій (343 г.) соборъ, на которомъ римскому епископу въ первый разъ даны были права внѣ собственной церковной области. Соборъ этотъ предоставилъ папѣ Юлію право принимать апелляціи отъ епископовъ, недовольныхъ судомъ мѣстныхъ соборовъ; пересматривать спорныя дѣла назначеніемъ другихъ епископовъ для этого и даже посылать для этого отъ себя пресвитеровъ, какъ своихъ

представителей (3, 4 и 5 пр. Сард. с. пер. Каз. Д. Ак.). Не остались, конечно, безъ вліянія въ дѣлѣ укрѣпленія папѣ въ мысли о преимуществѣ своей власти и нѣкоторые эдикты императоровъ. При папѣ Дамасъ I (366—384) изданы были два эдикта: въ 367 Валентиніанъ I издалъ эдиктъ, которымъ предоставлялась папѣ судебная власть надъ другими епископами; а въ 380 г. 27 Февр. императоръ Феодосій издалъ эдиктъ, въ которомъ римскій епископъ объявлялся стражемъ правой вѣры ¹⁾.

Подъ вліяніемъ такихъ благопріятныхъ обстоятельствъ идея папства обнаруживается болѣе рѣшительно, нежели въ предшествовавшую эпоху и самый идеаль папства выступает болѣе опредѣленно и дѣлается достояніемъ позднѣйшаго времени. Папа Дамасъ I протестуетъ противъ постановленія 2-го вс. соб. (3 пр.) объ уравниеніи прерогативъ константинопольскаго патріарха съ папскими, на томъ основаніи, что значеніе кафедръ не можетъ обуславливаться гражданскимъ значеніемъ городовъ, какъ это дѣлалъ соборъ. Очевидно онъ выводилъ свои преимущества изъ божественныхъ полномочій и онъ же, съ полнымъ сознаніемъ своей власти, первый назначилъ Фессалійскаго еп. Асхомія своимъ викаріемъ надъ Церквами Греціи и Даліи. Преемникъ Дамоса, Сирицій (384—398), даетъ начало обычаю папѣ издавать, такъ называемыя, декреталіи, въ которыхъ папы говорятъ тономъ верховныхъ учителей христіанскаго міра и которыя играютъ такую важную роль въ римскихъ каноническихъ сборникахъ, начиная съ Діонисія Малаго. Тотъ же папа въ письмѣ къ епископу Таррагонскому (Гимерію) 385 г. говоритъ о верховномъ авторитетѣ папскихъ посланій. Папы V-го вѣка продолжали дѣло своихъ предшественниковъ. Отъ папы Иннокентія I (402—417) осталось нѣсколько посланій, въ которыхъ идея папства получаетъ довольно опредѣленное выраженіе. Въ письмѣ къ Собору Карфагенскому 48 г. можно находить такое заявленіе Иннокентія: „Въ цѣлой вселенной ничего нельзя рѣшить безъ сношенія съ римскою кафедрою, а особенно въ дѣлахъ вѣры все епископы должны обращаться къ епископу Петру“ („Quellen zur geschh. des papst.“ стр. 21).

¹⁾ Последнее взято изъ „Quellen zur geschichte des Papstums“ D. Carl Mirbt Leipzig 1895 г. стр. 19.

Тотъ же папа, только нѣсколько ранѣе, 404 г. въ письмѣ къ Виктрицію еп. руанскому высказываетъ мысль о главенствѣ римскаго епископа въ дѣлѣ суда, при чемъ правиламъ собора сардикійскаго, предоставившимъ епископамъ апеллировать въ Римъ по желанію, даетъ смыслъ обязательнаго донесенія римскому епископу судебныхъ дѣлъ. „Судебныя дѣла, говоритъ Иннокентій, вообще должны разбираться соборомъ мѣстныхъ епископовъ и нигуда нельзя ихъ переносить въ чужія провинціи, кромѣ римскаго епископа, которому во всѣхъ винахъ должно оказывать почтеніе (reverentia); важныя вины, какъ постановилъ соборъ (очев. Сардик.) и обычай, послѣ епископскаго суда доносить апостольской каедрѣ“ („Quellen zur gesch.“ Ист.).

Въ томъ же духѣ, какъ посланіе 416 г., и какъ бы въ поясненіе, почему всѣ епископы должны обращаться въ дѣлахъ вѣры къ римской каедрѣ, написано и другое посланіе его 416 г. къ епископу Евгубіи (Центію). Здѣсь говорится, что римская церковь есть хранительница апостольскаго преданія: „кто не знаетъ, или отрицаетъ, что то, что отъ главы апостоловъ—Петра передано римской церкви и теперь сохраняется и должно быть всеми сохраняемо. Не вводится что-либо, что не имѣетъ его авторитета или отънуду кажется беретъ примѣръ, особенно когда во всей Италиі, Галліи, Испаніи, Африкѣ, Сициліи и островахъ церкви никого не поставили кромѣ тѣхъ, которыхъ ап. Петръ, или его преемники сдѣлали священниками“. („Quellen zur gesch. d. pap.“ 21 стр.). Эта мысль Иннокентія, что римскіе епископы суть преемники ап. Петра и на этомъ основаніи въ церковныхъ вопросахъ слѣдуетъ обращаться за совѣтомъ и рѣшеніемъ къ апостольскому престолу, заявила себя и въ преемникахъ Иннокентія: Зосимѣ (417—418), Бонифаціѣ (418—422) и Целестинѣ (422—432). Зосима по поводу апелляціи пресвитера Апіарія на свое осужденіе, заявилъ претензію, которую поддерживали и два его преемника, пересматривать и перерѣшать дѣла, возникшія въ африканскихъ церквахъ и тамъ уже рѣшенныя. Въ инструкціи, посланной въ Карфагенъ со своимъ легатомъ Фаустиномъ, Зосима выдавалъ правила Сардикійскаго собора за правила Никейскаго и на этомъ основаніи требовалъ перенесенія тамошнихъ судебныхъ дѣлъ на высшій судъ римскаго епископа.

Претензія на монополію верховнаго суда такъ ясно выразилась въ этомъ требованіи Зосимы и его преемниковъ, что отцы африканскаго собора, изблнчивъ подлогъ Зосимы, въ посланіи къ Целестину отказываютъ римск. епископу въ правѣ верховнаго суда на томъ основаніи, что невозможно „чтобы Богъ нашъ одному кому-нибудь могъ вдохнуть правдивость суда, а множеству собравшихся іереевъ откажетъ въ этомъ“ (Помѣст. Соб. изд. К. Д. Ак. 227 стр.) и „что ни въ одной области нѣтъ недостатка въ благодати Св. Духа, силою которой іереями Христовыми мудро усматривается и твердо соблюдается справедливость“ (тамъ же стр. 226). Если практическія стремленія этихъ папъ утвердить свое господство на дѣлѣ и не повели къ благополучнымъ результатамъ благодаря разоблаченію подлога, однако, какъ эти стремленія, такъ и самый подлогъ, достаточно ясно свидѣтельствуютъ о той силѣ, съ какою идея папства начала овладѣвать въ началѣ V-го в. умами римскихъ первосвященниковъ.

Черезъ 8 лѣтъ послѣ смерти Целестина на папскій престолъ вступаетъ Левъ Великій и идея папства вступаетъ въ новый періодъ своего развитія. Но прежде чѣмъ говорить о Левѣ В. нужно подвести итогъ тому, что сдѣлано въ развитіи идеи папства до него, что онъ унаслѣдовалъ отъ своихъ предшественниковъ по каедрѣ.

Въ дѣлѣ отступленія отъ первоначальнаго смысла и основаній, на которыхъ древняя Церковь предоставила римскому епископу преимущественное положеніе въ ряду другихъ епископовъ, эпоха, предшествующая Леву В., сдѣлала значительный шагъ впередъ. Первенство чести, основанное на политическомъ значеніи Рима, замѣняется въ сознаніи римскихъ епископовъ первенствомъ власти—на основаніи преемства отъ ап. Петра. Апостольскій Петръ уже въ сознаніи Стефана и Дамаса, а особенно Иннокентія I и его преемниковъ, выдѣляется по своему положенію въ Церкви изъ ряда другихъ апостоловъ. Стефанъ, какъ свидѣтельствуетъ Фирмилианъ, выражался, что на Петрѣ основана Церковь, а Иннокентій называетъ его главою Церкви. Однако вполне и ясно развитаго ученія о приматствѣ юрисдикціи ап. Петра, о княжескомъ достоинствѣ его въ ряду другихъ апостоловъ, о томъ, что Петръ сдѣланъ Господомъ основой единства и нераздѣльности, какъ епископства, такъ и пребыванія всѣхъ

христіанъ въ союзѣ вѣры и любви, какъ это видно, напр. въ „Догматической конституціи“..., у нихъ нельзя видѣть. Сообразно съ этимъ и идеаль папства—главенство римскаго епископа въ Церкви, не получаетъ особенной ясности и отчетливости, особенно въ смыслѣ теоретическаго развитія. Дѣлая практическія притязанія на упроченіе своего вліянія въ Церквахъ Галліи, Иллиріи, Африки и др., папы высказывали въ своихъ посланіяхъ мысль, что въ церковныхъ дѣлахъ слѣдуетъ обращаться за совѣтомъ и рѣшеніемъ къ римской церкви, но это требованіе касается предпочтительно дѣлъ судебныхъ и согласія другихъ церквей съ преданіемъ римскимъ и можетъ быть понимаемо не столько въ смыслѣ верховной власти управленія церковью, сколько права надзора и руководства вообще.

Декреталии папъ, въ которыхъ они говорятъ тономъ верховныхъ учителей христіанскаго міра, слова африканскихъ отцовъ въ посланіи къ Целестину, что „благодать Св. Духа не чужда никакой области“ и другіе факты, если и могутъ говорить о зарожденіи идеи непогрѣшимости у папъ того времени, однако она нигдѣ не высказывается еще ими опредѣленно и не возводится въ принципъ. О преимуществѣ своихъ чисто іерархическихъ благодатныхъ даровъ, равно и о правахъ свѣтской власти тоже нѣтъ рѣчи. Вообще, тотъ исключительный монархизмъ, какъ онъ выразился въ „Догмат. конст.“..., гдѣ римскій епископъ является викаріемъ Христа на землѣ главою Церкви, проводникомъ благодатныхъ даровъ, независимымъ ни отъ какой власти, непогрѣшимымъ, словомъ, является центромъ внѣшней и внутренней жизни Церкви, не можетъ быть усматриваемъ въ понятіи папъ первыхъ четырехъ (4-хъ) вѣковъ о своемъ главенствѣ. Нужно было много дать идеѣ папства чисто теоретической разработки, чтобы она выразилась въ такомъ видѣ и могла окрѣпнуть, практическія же притязанія первыхъ папъ сами по себѣ не могли этого сдѣлать. Элементы этой идеи высказывались слишкомъ отрывочно и не было ни одного лица, которое объединило бы ихъ и выразило, какъ нѣчто цѣлое, въ видѣ цѣльной системы. Папы говорятъ пока болѣе только о своемъ превосходствѣ надъ другими епископами, а не о томъ, что они собственно основа Церкви, центръ, сосредоточивающій въ себѣ всю ея жизнь, и что все получаетъ свое значеніе

въ Церкви только подъ условіемъ единства и подчиненія папѣ. Чтобы встать на эту точку зрѣнія нужно быль чело-
вѣкъ даровитый и энергичный, который бы не только при-
нялъ наслѣдство своихъ предшественниковъ, но глубже и
шире понялъ бы начало, искони жившее въ сердцѣ римлянъ
и заправлявшее ихъ умами и выразилъ бы его выпуклѣе
другихъ.

Въ лицѣ папы Льва Великаго и можно впервые видѣть
такого челоѣка.

Въ 440 г. послѣдовала смерть папы Сикста III и по еди-
нодушному согласію клира и народа римскаго въ преемники
ему былъ избранъ его архидіаконъ Левъ, который въ Сен-
тябрѣ того же года торжественно посвященъ былъ въ епи-
скопа и возведенъ былъ на кафедру церкви римской. Это и
былъ папа Левъ, прозванный современниками Великимъ.
Заслуживаетъ, или нѣтъ онъ названіе Великаго, къ како-
вому названію между прочимъ относится отрицательно Пер-
тель, разсуждать объ этомъ въ данномъ случаѣ излишне; на
это можетъ отвѣтить вообще дѣятельность и заслуга Льва для
Церкви, которая почитаетъ его святымъ. Во всякомъ случаѣ,
это былъ челоѣкъ выдающійся среди римскихъ первосвящен-
никовъ, съ чѣмъ соглашается и самъ Пертель и исторія,
какъ извѣстно, не очень щедро награждаетъ людей званіемъ
Великаго, особенно не имѣя къ тому достаточныхъ основа-
ній. Извѣстно, что св. Левъ выдвинулся, какъ личность не-
обыкновенная, еще до вступленія на папскій престолъ и
пользовался уваженіемъ отъ такихъ мужей, какъ Кириллъ
Александрійскій, который, имѣя ввиду его вліяніе и авторитетъ
предъ папами, сносился съ нимъ по дѣламъ церков-
нымъ. А что Левъ пользовался особеннымъ вліяніемъ и ав-
торитетомъ передъ папами объ этомъ очень ясно говоритъ
такой фактъ изъ его жизни, какъ назначеніе его въ 439 г.
папою Сикстомъ примирителемъ двухъ ссорящихся между
собою полководцевъ Имперіи: Аэдія и Альбина. Объ его
умѣ, твердости характера и несокрушимой энергіи свидѣ-
тельствуется слишкомъ ясно, чтобы ихъ отрицать вся его
дѣятельность въ продолженіи 20 л. папства (440—461). Можно
сказать, что онъ былъ истинный представитель своей націи,
въ лучшемъ смыслѣ этого слова, чистый типъ римлянина
древнихъ временъ. Время, когда Левъ В. вступилъ на пап-

скій престоль, было, насколько извѣстно изъ исторіи, очень смутное не только для римской церкви, но и для восточной и съ этими смутами, какъ церковными, опасными для чистоты вѣры Христовой, такъ и гражданскими, опасными для римской имперіи, Льву пришлось бороться въ продолженіе всей своей жизни. Описывать подробно дѣятельность Льва V. было бы очень долго, а въ данномъ случаѣ для насъ она важна только на столько, на сколько служить проявленіемъ и отраженіемъ лежащихъ въ основѣ ея тѣхъ убѣжденій и принциповъ, которыми руководился Левъ V. въ жизни. Въ общемъ его дѣятельность выразилась въ слѣдующемъ:

1) въ борьбѣ съ ересями въ предѣлахъ церкви западной, ересями: пелагианъ, прискиллианъ и Манихеевъ; 2) въ стремленіи: подчинить своей юрисдикціи митрополитовъ, старавшихся быть самостоятельными; распространить вліяніе и авторитетъ папскаго престола въ церквахъ Иллиріи, Галліи, Африки, Сициліи, Испаніи и др. и искоренить въ епархіяхъ безпорядки и злоупотребленія; 3) въ борьбѣ съ еutihianствомъ и его послѣдствіями, что поставило Льва V. на ряду съ великими отцами церкви: Кирилломъ, Златоустомъ, Василиемъ Вел. и 4) въ участіи въ чисто политическихъ событіяхъ Запада. Обо всемъ этомъ очень подробно и не безъ тенденціи рассказываетъ нѣмецкій ученый Арендтъ въ своемъ трудѣ „Leo der Grosse und seine Zeit (Майнцъ изд. 1835 г.).

Въ цѣляхъ рѣшенія вопроса о значеніи Льва V. въ развитіи идеи папства необходимо выяснитъ, какъ эта идея выразилась въ немъ самомъ и поэтому гораздо важнѣе обратитъ вниманіе на его чисто литературные труды, вызванные потребностями церковной жизни, его проповѣди и письма, въ которыхъ онъ, касаясь дѣлъ церкви, указываетъ и основаніе своей дѣятельности. Въ этомъ случаѣ можно наблюдать замѣчательное согласіе у Льва V. слова и мысли съ дѣломъ. И въ словѣ и въ дѣлѣ Льва слышишь, чѣмъ прежде, заявляетъ себя сила и авторитетъ Рима и его епископа. Главное понятіе, около котораго вращается мысль и дѣятельность Льва V., это первенство римскаго епископа, первенство не чести, а юрисдикціи. Начало, жившее въ сердцахъ р. епископовъ, зародившаяся идея папства, находитъ одного изъ лучшихъ своихъ выразителей. Соединяя по возможности все сказанное Львомъ V. въ его проповѣдяхъ и

письмахъ, имѣющее печать папскихъ тенденцій и присоеди- няя въ качествѣ иллюстраціи этихъ тенденцій его практи- ческія стремленія, и можно составить понятіе, насколько полно и отчетливо въ сознаніи Льва В. выразился идеаль папства.

Наиболѣе ясное и рѣшительное, раскрытіе ученія Льва В. о приматствѣ римской каедрѣ въ Церкви можно находить въ семи его словахъ (I—V; 82—84), изъ которыхъ первыя пять сказаны имъ въ день своего посвященія, а остальные въ празникъ апостоловъ Петра и Павла. Сюда можно так- же отнести слова на Страсти Господни (*De passione Domini*), главнымъ образомъ 62 р. гдѣ говорится объ исповѣданіи ап. Петромъ вѣры въ Иисуса Христа. Изъ посланій и писемъ Льва В., наиболѣе характерныхъ въ этомъ отношеніи, можно указать на его посланія по поводу XXVIII пр. Халкидон- скаго Собора (451 г.): къ императору Маркіану 104-е и 111-е; Пульхеріи 105-е; Анатолію, патріарху конст., 106-е; къ от- цамъ Собора 114-е; къ патріарху антiox. Максиму 119-е; къ Александрійскому 129-е; письма къ епископамъ разныхъ церквей западныхъ, напр. 10-е по поводу суда надъ Иларіемъ арелатскимъ къ иллирійскимъ епископамъ и проч. ¹⁾.

Главное понятіе, изъ котораго исходитъ папа Левъ В. въ своихъ воззрѣніяхъ на власть римскаго епископа, и его от- ношеніе къ членамъ всей Церкви, есть то, что римская цер- ковь въ лицѣ ея основателя, ап. Петра, и его преемниковъ, римск. епископовъ, есть какъ бы источникъ всей полноты церковной жизни, а остальные должны разсматриваться только какъ истоки и, чтобы эти истоки были всегда чисты, они должны находиться всегда въ связи и возвращаться къ своему источнику, о непрерывной чистотѣ котораго забо- тится самъ ап. Петръ. въ лицѣ своихъ преемниковъ по ка- едрѣ. Это съ достаточною ясностью можно усматривать изъ X-го посланія Льва В. по случаю суда надъ еп. Иларіемъ арелатскимъ и множества другихъ, напр. CXXIV; CLXII; XIV; *Sermo* III, 1: V, 2 и др. Вполнѣ понятны отсюда дѣла- ются, такъ часто высказываемыя Львомъ В. въ своихъ пись-

¹⁾ Содержаніе и цитація словъ и посланій Льва В. Заимствована изъ „*Patrologiae cursus completus*“ Migne. (изд. 1846 г.) Tomus LIV S. Leonis. M. Tomus primus.

менныхъ произведеніяхъ, напоминая, что онъ „при помощи Господа пребываетъ стражемъ, какъ католической вѣры, такъ и отеческихъ преданій“ (Ер. 114); или въ родѣ того, что „наша забота простирается на всѣ церкви по повелѣнію Господа“ (Ер. V, 444, 12 янв.). Вотъ какъ онъ говоритъ между прочимъ объ этомъ въ одномъ изъ своихъ писемъ: „Хотя священство принадлежитъ всѣмъ епископамъ, но не въ равной степени; и между апостолами не было равенства; всѣ они одинаковы избраны, но власть надъ всѣми дана только одному. Согласно съ этимъ и между епископами существуетъ первенство, ибо постановлено, чтобы не всякій изъ нихъ претендовалъ на власть надъ всею Церковью, а чтобы каждый управлялъ только своей епархіей. Между ними большимъ значеніемъ пользуются тѣ, которые постановлены епископами большихъ городовъ, но попеченіе о всей церкви принадлежитъ одной кафедрѣ Петра“ (Фортинскій. „Разв. папск. вл. въ ср. вѣка“ стр. 6. Публ. лекція).

Изъ этого же, только что приведеннаго, отрывка ясно вполне открывается, что Левъ V. понимаетъ первенство р. епископа, какъ и его предшественники, не въ смыслѣ первенства чести, а именно—юрисдикціи и основываетъ его на особенномъ положеніи въ церкви ап. Петра. Мысль, что чисто гражданское значеніе города не можетъ само по себѣ еще служить основаніемъ къ расширенію правъ епископской власти проводится съ особенной настойчивостью. „Хотя, говорится въ письмѣ къ Маркіану (104) по поводу 28 пр. IV-го вс. соб., теперь приводятъ блескъ и могущество Константинополя, чтобы основать на этомъ преимущество своему епископу, но есть различіе между мірскимъ и духовнымъ могуществомъ и королевскій городъ никакимъ образомъ не даетъ его епископу тѣхъ правъ, какія имѣетъ римскій, ибо сей имѣетъ ихъ изъ апостольскаго постановленія, котораго тому, (Константинопольскому) не достаетъ“, поэтому и возвышеніе патріарха Константинопольскаго на равную ступень съ римскимъ должно быть разсматриваемо какъ униженіе апостольскаго престола, епископы котораго отъ ап. Петра получили верховную власть. Мысль о приматствѣ ап. Петра во всей Церкви Христовой, а чрезъ преемство отъ него и римск. епископовъ, въ своемъ полномъ развитіи у Льва V. представляется въ такомъ видѣ. „Господь нашъ И-

сусь Христось, говорить Левъ В. въ писъмѣ по поводу спора съ Иларіемъ арелат., учредивши божественную религію, поручилъ миссію евангельской проповѣди всѣмъ апостоламъ. Но особенно Онъ возложилъ ее на блаженнаго Петра, князя ихъ. Онъ сдѣлалъ его главою ихъ и изъ него должны истекать на всѣхъ членовъ божественные дары, и тотъ не принадлежитъ къ божественноу тѣлу Исуса Христа, кто отвращается отъ этого твердаго камня, отъ этой связи невидимаго единства и тотъ имѣетъ нечестивое высокоуміе потрясти этотъ твердый камень, положенный Самимъ Господомъ, кто нападаетъ на власть, которой Онъ символъ, кто слушается только своихъ страстей и не радитъ выполнять свои обязанности“ (Ер. X, 1). Мысль, что ап. Петръ есть основаніе и глава Церкви, повторяется Львомъ много разъ съ настойчивостью и получаетъ у него строгое развитіе и основаніе на самомъ Св. Писаніи. Въ отношеніи къ ап. Петру онъ не употребляетъ другихъ выраженій, кромѣ названій: „глава апостольскаго чина“ (*princeps apostolici ordinis ser. LXXXII. 3*), „глава апостоловъ“ (*ser. V, 4*); „первый въ апостольскомъ достоинствѣ“, (*s. IV, 4*) „приготовленный на управленіи всею Церковью“ (*ad regimen totius Ecclesiae. sr. IV, 4*). Въ десятомъ (X) же посланіи св. Левъ прямо заявляетъ: „скала, на которой Христось основалъ Свою Церковь, есть ап. Петръ“ (Ер. X, 1), и подробно доказываетъ этотъ взглядъ на ап. Петра преимущественно въ рѣчахъ на день своего посвященія и день празднованія памяти апост. Петра и Павла.

„Когда, какъ указано въ евангельскомъ чтеніи, говорить Левъ В., Господь спросилъ своихъ учениковъ, за кого они почитаютъ Его и послѣ того, какъ многіе высказали различныя мнѣнія, блаж. Петръ отвѣтилъ: „Ты еси Христось Сынъ Бога Живаго“, то Господь сказалъ ему: „блаженъ, ты, Симонъ, сынъ Іоны; ибо не плоть и кровь это тебѣ открыли, но Отецъ Мой небесный. И Я тебѣ говорю также: ты есть Петръ и на этой скалѣ желаю Я создать Мою Церковь и врата ада не должны ее превозмочь. И Я желаю дать тебѣ ключи царства небеснаго; все что ты свяжешь на землѣ, должно быть связано и на небѣ; и все, что ты разрѣшишь на землѣ, должно быть разрѣшено и на небѣ“ (Sr. III. 2. сравн. Sr. LXII. 2; LXXXIII. 1). Интересно затѣмъ, какъ св.

Левъ толкуеть этотъ текстъ Евангелія совершенно въ духѣ папскихъ тенденцій въ рѣчи на день своего посвященія (IV, 2). Словамъ Спасителя Левъ В. придаетъ такой смыслъ.

„Мой отецъ небесный открылъ тебѣ это“; т. е., говоритъ Левъ, „не земное мнѣніе, а небесное наставленіе научило тебя“. И Я говорю тебѣ“, т. е., „какъ тебѣ Мой Отецъ открылъ Мое божество, то дѣлаю и Я тебѣ извѣстнымъ твое отличіе“. „Ты еси Петръ“... т. е., „хотя Я есмь непркосновенная скала, краеугольный камень, который дѣлаеть изъ двухъ одно, основаніе, кромѣ никто другаго не можетъ полагать, однако ты также есть скала, потому что ты чрезъ Мою силу укрѣпишься, чтобы раздѣлять со Мною по могуществу то, что Мнѣ собственно принадлежитъ“. „И на этой скалѣ Я создамъ Церковь и силы ада ее не одолѣють“, т. е., „на этой крѣпости (*fortitudinem*) Я желаю создать вѣчную Церковь и высота Моей Церкви должна воздвигаться чрезъ посредство этой вѣры. Ради этого, продолжаетъ Левъ, Петръ только одинъ получилъ многое, тогда какъ ни на кого изъ другихъ учениковъ не перешло что-либо, на что онъ не имѣлъ также части. Изъ всего міра избирается только одинъ Петръ, который предстоить призваніе всѣхъ народовъ, ставится во главѣ всѣхъ апостоловъ и отцевъ Церкви, такъ что онъ властвуетъ всѣми священниками и пастырями душъ, хотя въ народѣ Божиёмъ и много можетъ быть“ (Ser. IV, 2).

У св. Льва ап. Петръ, какъ глава и центръ церковной жизни, представляется поэтому преимущественнымъ обладателемъ всей полноты духовныхъ дарованій и правъ, которыя свойственны іерархіи церковной. „Этого человѣка, говоритъ Левъ, божественное благоволеніе удостоило такой общности своего могущества, что оно (бож. благов.) позволило своимъ дарамъ протекать на другихъ апостоловъ только чрезъ него“ (Ser. IV, 2); „И хотя право вязать и рѣшить передано также и другимъ апостоламъ, но Петръ предпочтительно надѣленъ этимъ достоинствомъ, ибо онъ поставленъ за образецъ и во главѣ всѣхъ правителей Церкви“ (Ser. IV, 3; LXXXIII, 1, 2).

Христось, по словамъ Льва, потому и молился совершенно особенно за Петра, хотя опасность была близка всѣмъ ученикамъ, что только подъ условіемъ непоколебимости перваго остальные апостолы могли быть безопасны (S. W. 3).

Такимъ образомъ мы видимъ, что Левъ В. далеко выдвигаетъ личность ап. Петра изъ ряда другихъ апостоловъ и членовъ Церкви и указываетъ въ немъ инстанцію высшаго іерархическаго порядка, отъ связи съ которой все прочее въ Церкви получаетъ свое значеніе и представляетъ это учрежденіе дѣломъ Божиимъ. „Петръ такъ предъ прочими (апостолами) поставляется, говоритъ Левъ В., что: то называется камнемъ; то объявляется основаніемъ; то поставляется привратникамъ царства: то дѣлается судьей того, что нужно вязать и рѣшить, такъ что и на небесахъ будутъ удержаны его приговоры; какое у него общеніе со Христомъ, мы узнаемъ изъ этихъ тайнъ его наименованій“ (Ser. III, 2. 3).

Сообразно съ этимъ взглядомъ на личность ап. Петра и его преимущественное положеніе въ Церкви у Льва В. получаютъ ту же тенденціозную окраску и нѣкоторые изъ фактовъ жизни верховнаго апостола (моленіе за него Господа, троекратное призваніе пасти овецъ), служа какъ бы подтвержденіемъ его особенныхъ привиллегій въ Церкви. Даже такой печальный фактъ изъ жизни ап. Петра, какъ отреченіе его отъ Господа, по толкованію Льва, не можетъ бросать тѣни сомнѣнія на твердость вѣры и достоинство этого апостола. „Это (отреченіе) случилось, говоритъ Левъ, только потому, чтобы въ князѣ Церкви было дано средство къ покаянію и чтобы никто не отваживался довѣрять своей собственной силѣ, поелику даже тотъ (Петръ) не могъ избѣжать опасности измѣны..... но скоро Петръ снова сдѣлался прежней скалой съ такою силой, что онъ того, предъ чѣмъ трепеталъ во время страданій Христовыхъ, въ своемъ собственномъ мученіи не убоялся“ (S. LX. 4).

Авторитетъ ап. Петра, его преимущественное положеніе въ ряду другихъ апостоловъ, какъ главы и основанія самой Церкви, а сообразно съ этимъ обширныя права его и власть во всѣхъ областяхъ Церковной жизни по закону наследства переходятъ во всей полнотѣ на римскихъ епископовъ, какъ его непосредственныхъ преемниковъ. Эта мысль, что римскіе епископы постоянно находятся въ самой живой и тѣсной связи съ ап. Петромъ, какъ преемники не только мѣста его служенія, но главнымъ образомъ всѣхъ его полномочій, проводится св. Львомъ съ особенной настойчивостью въ его словахъ и письмахъ. Это вполне понятно, ибо на мысли

о непосредственномъ преемствѣ отъ ап. Петра всѣхъ его полномочій основывается и особенное положеніе въ Церкви римскихъ епископовъ, ихъ верховная власть и права.

По словамъ Льва V., связь римскихъ епископовъ съ ап. Петромъ самая живая: Петръ никогда не оставляетъ своей катедры и по смерти; духъ его живетъ въ его преемникахъ и та твердость, какую онъ получилъ отъ Христа, сдѣлавшись камнемъ, перешла и къ его преемникамъ. Развивая эти мысли подробнѣе св. Левъ говоритъ: „твердость той вѣры, которая похвалена въ главномъ изъ апостоловъ вѣчна; и какъ пребываетъ то, во что во Христѣ увѣровалъ Петръ, такъ пребываетъ и то, что Христосъ въ Петрѣ установилъ... Итакъ, пребываетъ устройство истины и блаженный Петръ, держась въ пріобрѣтенной твердости камня, не оставляетъ принятаго имъ управленія Церковью... Онъ и теперь съ большею силою и властію исполняется въ Томъ и съ Тѣмъ, чрезъ Котораго прославленъ. Если что мы и правильно дѣлаемъ, и правильно судимъ, если что получаемъ отъ милосердія Божія при каждодневныхъ молитвахъ, это дѣло трудовъ и заслугъ того, котораго власть живетъ въ его престолѣ и котораго преимущественный авторитетъ здѣсь является. Во всей Церкви каждодневно Петръ говоритъ: „Ты Христосъ Сынъ Бога Живаго“ и всякъ языкъ, исповѣдующій Господа, наставляется ученіемъ этого голоса“ (Ser. III. 2. 3). „Петръ, говоритъ Левъ въ другой проповѣди, которому Господь на его троекратное признаніе, что онъ Его любитъ, передать заботу объ овцахъ, какъ вѣрный пастырь, пасетъ ввѣренное ему стадо всегда, ибо онъ чрезъ увѣщанія укрѣпляетъ насъ и не перестаетъ молиться за насъ, чтобы мы не подпали искушенію. Ибо если, какъ должно принимать, его попеченіе простирается на весь народъ божій, сколько болѣе долженъ онъ намъ, своимъ питомцамъ, между которыми онъ въ священномъ городѣ поживаетъ тѣмъ самымъ тѣломъ, которымъ носилъ предѣдательство, (долженъ) оказывать помощь?“ (Sr. 83, 3).

Увѣренность въ это содѣйствіе ап. Петра св. Левъ высказываетъ въ своихъ проповѣдяхъ и письмахъ очень ясно и съ полнымъ убѣжденіемъ. Хотя теперь часто апеллируется въ Римъ (Ep. X, 2): хотя мое попеченіе на всю церковь и всѣхъ ея сыновъ (Ep. CXXIV. 1), даже на императора должно

простираться (CLXII. 2); хотя отъ всего земного круга стремятся къ апостольскому престолу и я труды другихъ епископовъ раздѣляю (Sr. V. 2); хотя я къ такому полному почестей положенію не по заслугамъ, но по милости дошелъ (S. II, 1); хотя я, служитель Бога, (S. II. 2) для отправленія такой высокой должности не владѣю силами; однако я еще не отчаяваюсь, но надѣюсь на того, кто во мнѣ дѣйствуетъ (S. III. 1). Ибо кто мнѣ налагаетъ бремя, помогаетъ мнѣ его и носить (Sr. II. 1); Петръ, такимъ образомъ, дѣйствуетъ во мнѣ, поэтому должно вѣрить, что я, представитель Петра, который былъ не только римскихъ, но и всѣхъ епископовъ первый, при его содѣйствіи говорю ничто иное, какъ чему онъ научилъ меня (S. III. 2); все доброе происходящее чрезъ меня, должно быть приписываемо Петру; который всегда сидитъ на своей каедрѣ и стоитъ въ связи съ вѣчнымъ Первосвященникомъ (Sr. IV, 4 и V. 4). Вотъ главныя мысли, раскрываемыя Львомъ В. въ словахъ на день своего посвященія. По его воззрѣнію, такимъ образомъ, ап. Петръ, дѣйствуя во всей Церкви и послѣ своей смерти, сосредоточиваетъ центръ своей дѣятельности въ римской каедрѣ, проявляетъ себя въ лицѣ епископовъ этого города. Отсюда то и должно вытекать, какъ міровое значеніе Рима, такъ и исключительное положеніе въ Церкви римскаго епископа. „Римъ, говоритъ Левъ В., именно прославленъ чрезъ смерть обоихъ превосходнѣйшихъ ап. Петра и Павла. Эти мужи принесли сюда Евангеліе и признали его (Римъ) за священное племя, за избранный народъ, за священническій и королевскій городъ. Чрезъ епископское сидѣніе св. Петра Римъ дѣлается главнымъ городомъ міра и чрезъ божественную религію далѣе владеетъ, нежели чрезъ земную силу (Sr. 82, 1). Для распространенія тѣхъ слѣдствій, которыя произошли отъ воплощенія Христа, божественное провидѣніе избрало именно Римъ, потому что къ его области принадлежали всѣ народы. Поэтому, когда апостолы, по изліяніи св. Духа, раздѣлили между собою части земли Петръ, первый въ ряду апостоловъ, назначается въ главное мѣсто римской имперіи, чтобы свѣтъ истины, открытый во спасеніе всѣмъ языкамъ, сильнѣе излился отъ главнаго города по всему міру (S. 82. 2. 3)“ Римъ, какъ городъ, въ которомъ жилъ и пострадалъ верховный апостоль, долженъ

поэтому считается первымъ епископскимъ столомъ: папа главою, а остальные христіане членами Церкви; римской каедрѣ подобаеъ предсѣдательство на соборахъ, ибо епископу ея предъ всѣми другими дана не только власть вязать и рѣшить (*cui cum grae ceteris solvendi et ligandi tradita sit potestas*), но и поручена забота объ овцахъ (*prascenqum tamen ovium cura specialius mandata est*): ибо трехкратное приказаніе Христа Петру: „паси моихъ овецъ“, все еще имѣеъ свое значеніе за каедрой Рима (Ер. X. 11: Ер. XVI предисловіе). Кто поэтому не признаеъ приматства ап. Петра, а слѣдовательно и его преемниковъ, тотъ низвергается во адъ (*Cui quisquis principiatum aestimat denegandum, illius quidem nullo modo potest minuere dignitatem; sed inflatus spiritu superbiae suae, semetipsum in inferna demergit* Ер. X, 2): и кто, какъ членъ, отрицается отъ него, главы, уходитъ лишеннымъ божественнаго обѣтованія (Ер. X, предисл.). О себѣ самомъ Левъ V., при такихъ взглядахъ на столь тѣсную связь римскихъ епископовъ съ ап. Петромъ, выражается въ такихъ словахъ:

„Я теперь предстою о имени Петра Церкви“ (*memor enim sum me sub illius nomine Ecclesiae praesidere* Ер. LXI, 2); „по его (Петра) и по внушенію Господа рѣшаю я“ (Ер. X. 9): „по наставленію Св. Духа говорю я и учу“ (*instruente sancto spiritu et didicimus, et docemus...* Ер. LXXXVII); „подкрѣпляю колеблющіяся сердца братьевъ“ (CLXVI предисл.); „на меня излита болѣе богатая благодать, чѣмъ на другихъ членовъ Церкви“ (*...ut unum celebretur in toto Ecclesiae corpore pontificii sacramentum, quod, effuso benedictionis unguendo copiosius quidem in superiora profluxit* Sr. IV. 1); „на меня падаетъ честь, если Церковь хорошо управляется“ (Ер. V. 1), „ибо забота о ней передана мнѣ по божественному постановленію“ (Ер. XIV. 1). „Епископы должны покаряться постановленіямъ апостольской каедрѣ“ (Ер. XIII. 1); ибо я хотя раздѣляю съ ними заботу о Церкви, но не власть (XIV, 1... *Vices enim nostras ita tuae credidimus charitati, ut in partem potestatis...* къ Анаст. Ѳессал.); и какъ между апостолами одинъ отличается предъ всѣми другими по власти, такъ стоитъ каедра Петра выше всѣхъ епископскихъ каедръ (XIV. 11. *quoniam inter beatissimos apostolos in similitudine honoris fuit quaedam discretio potestatis: et cum omnium par esset electio, uni tamen datum est ut ceteris*

praemineret... de qua forma episcoporum quoque est orta distinctio... in majoribus urbibus constituti sollicitudinem susciperent ampliolem, per quos ad unam Petri sedem universalis Ecclesiae cura conflueret et nihil usquam a suo capite dissideret) и поэтому всё важныя дѣла должны представляться мнѣ (Льву), чтобы я рѣшилъ ихъ по божественному откровенію“ (Ер. I: X. 9 sermo XXI. XXXVI, CVII и др.).

Если теперь указанная въ твореніяхъ Льва В. мысли его о приматствѣ римскаго епископа свести къ общимъ положеніямъ, то его ученіе можно представить въ слѣдующемъ видѣ: 1) приматство римскаго епископа должно быть понимаемо не иначе какъ въ смыслѣ главенства, преимущества юрисдикціи, а не въ смыслѣ преимущества чести, и въ основаніи его лежитъ не политическое значеніе города Рима, а божественное установленіе; именно: 2) апостоль Петръ непосредственно отъ самого Господа получилъ первенство юрисдикціи, поставленъ княземъ апостоловъ, главою и основаніемъ Церкви, такъ что все въ ней получаетъ отъ него свое значеніе; 3) эти преимущества ап. Петра непрерывно сохраняются въ Церкви въ лицѣ римскихъ епископовъ, которые, какъ его наслѣдники, стоятъ съ нимъ въ самой тѣсной связи, какъ будто бы Петръ самъ въ нихъ дѣйствовалъ; а поэтому, 4) римскій епископъ есть также глава Церкви, имѣетъ верховную власть надъ нею во всѣхъ отношеніяхъ, не только въ дѣлахъ вѣры, но и относительно дисциплины и управленія: онъ: а) предсѣдатель на соборахъ; б) главный рѣшитель дѣлъ судебныхъ и другихъ, такъ что рѣшеніямъ апостольской кафедры должны подчиняться безъ исключенія всѣ; в) имѣетъ на себѣ большую благодать, нежели другіе; г) дѣла рѣшаетъ по внушенію Господа; д) говоритъ и учитъ по наставленію отъ Духа Св. и значитъ не можетъ погрѣшать; е) отсюда связь съ нимъ, какъ главою Церкви, необходима, чтобы быть членомъ самой Церкви и отрицать его приматство, значитъ низвергать себя во адъ, быть лишеннымъ божественнаго обѣтованія (Ер. X, 1. 2). При такихъ взглядахъ Льва В. на права римской кафедры получаютъ достаточное освѣщеніе такіе факты изъ его дѣятельности, какъ протестъ противъ 28 пр. IV в. соб., объ уравниеніи правъ константинопольскаго патріарха съ правами римскаго, и стремленіе подчинить своей юрисдикціи епископовъ раз-

ныхъ округовъ. Принятіе Халкидонскимъ соборомъ 28 пр. потому такъ и оспаривается Львомъ, что въ этомъ онъ видѣлъ незаконную узурпацію правъ, не имѣющую за себя божественнаго установленія, униженіе авторитета апостольской кафедры, дѣло честолюбія, потакать которому онъ не намѣренъ изъ боязни быть нарушителемъ каноновъ Никейскаго Собора, которые нужно замѣтить, легать папы, Пасхазинъ, цитироваль въ искаженномъ видѣ. Все это Левъ В. высказываетъ въ своихъ письмахъ императору Маркіану, Пульхеріи, самому Анатолію, при чемъ, считая свою власть даже выше соборной и подчиненіе себѣ непремѣннымъ условіемъ союза съ Церковью, говоритъ: „если Анатолій не желаетъ быть отрѣченнымъ отъ вселенской Церкви вслѣдствіе своихъ враждебныхъ миру стремленій, то пусть воздержится отъ нарушенія церковныхъ правилъ и избѣгнетъ непопозволительныхъ выходокъ“ (Ер. 104). Что же касается согласія бывшихъ на соборѣ епископовъ на утвержденіе 28 пр., то, говоритъ Левъ, „мы объявляемъ его недѣйствительнымъ и уничтожаемъ властію блаженнаго ап. Петра“ (Ер. 105. III. *per auctoritatem beati Petri apostoli, generali prorsus definitione cassamus*); поэтому и Анатолій долженъ воздерживаться отъ незаконныхъ стремленій, въ противномъ случаѣ, говоритъ Левъ „ты самъ произносишь надъ собою приговоръ и лишаешь себя мира вселенской церкви“ (106. 6). Ссылка Анатолія на II Вс. соб. 3 пр., которымъ уравнивались права константинопольскаго и римскаго епископовъ, не имѣетъ значенія, такъ какъ это опредѣленіе Собора, говоритъ Левъ, не было сообщено его предшественникамъ на апостольскомъ престолѣ и потому не имѣетъ значенія (Ер. 105. 5). Очевидно по взгляду Льва авторитетъ Соборныхъ постановленій зависитъ отъ утвержденія римскаго епископа.

Тожѣ сознаніе величія апостольскаго престола проглядываетъ и въ поступкахъ Льва В. съ епископами Иллирин, Галліи и др. областей. Въ 444 г. Левъ В. назначилъ епископа Фессалійскаго Анастасія своимъ викаріемъ въ иллирійскомъ округѣ и, извѣщая объ этомъ назначеніи тамошнихъ епископовъ, увѣщаетъ ихъ оказывать Анастасію послушаніе, какъ представителю папскаго престола. Наша забота простирается, по повелѣнію, на всѣ церкви, поэтому мы и сдѣлали викаріемъ нашего брата и епископа Анастасія и

напоминаемъ, чтобы вы повиновались ему во всемъ, что касается церковной дисциплины. Вы будете повиноваться не столько ему, сколько намъ“ (Ер. V. 12 Янв. 444 г.).

Самому Анастасію даетъ наставленіе о всѣхъ важныхъ дѣлахъ доносить въ Римъ (Ер. VI); а когда тотъ допустилъ неблаговидный поступокъ съ епископомъ Атиккомъ, Левъ В. порицаетъ за это Анастасія и высказываетъ мысль, что онъ (Левъ) передалъ ему не всю свою власть, но только часть ея; въ случаѣ несогласія съ нимъ (Анастасіемъ) епископовъ Левъ повелѣваетъ имъ обращаться къ римскому епископу, какъ верховному главѣ иллирійскихъ Церквей (Ер. XIV).

Таже мысль, что римскому епископу должна принадлежать верховная власть во всѣхъ церквахъ, руководила Львомъ и въ его отношеніяхъ къ галльской Церкви, въ частности въ отношеніи къ Иларію Арелатскому, который стремился подчинить себѣ Церкви Галліи помимо папы. „Вы братіе, писалъ Левъ епископамъ Галліи, хорошо знаете частыя сношенія апостольскаго престола съ многими епископами вашей провинціи, которые обращались къ нему за совѣтомъ и апеллировали къ его суду во многихъ случаяхъ...: но вотъ нынѣ Иларій не хочетъ идти этимъ путемъ и производить въ Церкви смятеніе. Онъ хочетъ подчинить васъ своей власти, а самъ не хочетъ подчиниться блаженному ап. Петру... По его надменнымъ словамъ, онъ не боится оскорбить благоговѣніе, принадлежащее апостолу Петру“ (Ер. X. 11).

Въ видахъ практическаго осуществленія своихъ верховныхъ правъ на церкви Галліи Левъ В. внушаетъ мысль о приматствѣ папы въ Церкви императору Валентиніану III, который и издаетъ въ 445 г. декретъ съ такимъ приблизительно содержаніемъ: „такъ какъ приматство апостольскаго престола утвердили и заслуги св. Петра—перваго въ епископской митрѣ—и достоинство римскаго государства и даже власть св. Собора, то, помимо власти апостольскаго престола, надменность не должна дѣлать ничего непопозволительнаго. До сихъ поръ все это сохранялось, но Иларій позволялъ нѣчто непопозволительное: безъ совѣта съ епископомъ римской Церкви, по одному безразсудству, онъ въ одномъ мѣстѣ посвящаетъ, въ другомъ низлагаетъ. Поэтому утверждается поставленіе епископа города Рима, ибо что не позволительно

дѣлать въ церквахъ власти такого первосвященника?! (*quid enim tanti pontificis auctoritati in Ecclesiis non licere?*).

Поэтому не должно противиться рѣшенію римскаго епископа не только Иларію, но и всѣмъ епископамъ Галліи. Если кто изъ епископовъ не явится на судъ римскаго, того долженъ принудить префектъ. Миръ церковный заканчивается онъ, только тогда можетъ быть прочнымъ, когда вселенная признаетъ своего правителя“ (Ер. XI seu Constitutio Valentiniani III Augusti.). Въ такомъ же духѣ, именно съ цѣлю утвердить свое вліяніе, были и сношенія Льва V. съ церквами Аѳрики, Сициліи, Испаніи и др. относительно апелляціи къ римскому епископу и согласія обычаевъ мѣстныхъ церквей съ обычаями римской. Какіе мотивы руководили св. Львомъ V.—быть такимъ горячимъ поборникомъ и защитникомъ идеи приматства римскихъ епископовъ, этотъ вопросъ можно оставить безъ ущерба не рѣшеннымъ при выясненіи значенія Льва V. собственно для развитія самой идеи папства. А его значеніе въ этомъ отношеніи можно видѣть изъ сравненія дѣла Льва съ дѣломъ его предшественниковъ и преемниковъ, и значеніе его признается одинаково даже людьми совершенно противоположныхъ лагерей, каковы Пертель и Арендтъ. Расходясь во взглядахъ на Льва V. довольно значительнымъ образомъ, оба указанные автора одинаково признаютъ за Львомъ V. значеніе его для папства. Дѣйствительно, если сравнить идеаль папства, какъ онъ выразился въ возрѣніяхъ Льва V., съ тѣмъ, что сдѣлала до него въ этомъ отношеніи предшествующая эпоха, то не трудно замѣтить, что Левъ V. не только принялъ и сохранилъ наслѣдство своихъ предшественниковъ по каѳедрѣ, но привнесъ и нѣчто новое, умножилъ его. Нельзя, конечно, отрицать у предшественниковъ Льва V. значенія въ развитіи идеи папства, но съ другой стороны, нельзя и придавать имъ въ этомъ отношеніи особеннаго значенія. Дѣло ихъ важно постольку, поскольку оно представляетъ собою явленіе новое, полагаетъ начало великому историческому процессу. Но какъ явленіе новое, папство (идея папства) не получаетъ еще поэтому ни вполне яснаго теоретическаго, ни удачнаго практическаго развитія. Едва-ли самый идеаль папства предносился взору первыхъ папъ какъ нѣчто вполне опредѣленное, и они вполне ясно сознавали, къ чему они

стремятся, высказывая папскія тенденціи, кромѣ, конечно, тѣхъ частныхъ случаевъ и обстоятельствъ, по поводу которыхъ они заявляли ихъ (тенденціи). Папство еще не возводится въ принципъ самой церковной жизни; самые элементы идеи папства, т. е. частнѣйшія понятія въ общемъ понятіи главенства, высказываются отрывочно безъ развитія и доказательства, какъ бы только намѣчаются слѣды. Папство не имѣетъ еще того исключительнаго монархизма и абсолютизма, который повелъ римскихъ епископовъ позднѣе къ замѣнѣ Царства Христова на землѣ царствомъ папы со всѣми уродливыми явленіями. Это составляетъ громадный пробѣлъ въ развитіи идеи папства между эпохою первыхъ IV-хъ вѣковъ начала, V-го, и позднѣйшею средневѣковою, и новѣйшею.

Пробѣлъ этотъ заполнялся постепенно въ теченіи цѣлыхъ вѣковъ и извѣстную долю участія въ этомъ дѣлѣ нѣтъ основаній отрицать у Льва В. Можно сказать, не опасаясь преувеличенія, что папа Левъ В. предпочтительно годился для папства и его заслуги въ этомъ отношеніи очень значительны.

У Льва Великаго папскій идеалъ впервые получаетъ ясность и отчетливость; онъ глубже и шире понялъ начало искони жившее въ сердцѣ римлянъ и заправлявшее умами его предшественниковъ, и можетъ безспорно считаться однимъ изъ великихъ борцовъ за идею папства и лучшимъ ея выразителемъ по своему времени. Онъ первый становится на ту точку зрѣнія на которую папство стало позднѣе и стоитъ теперь папство возводится имъ въ принципъ самой церковной жизни, вся внѣшняя и внутренняя жизнь Церкви со всѣми ея отправленіями концентрируется въ римскомъ епископѣ, какъ намѣстникѣ, викаріѣ ап. Петра, въ которомъ (намѣстникѣ) дѣйствуетъ самъ верховный апостоль, глава Церкви. Все поэтому въ Церкви имѣетъ свое значеніе постольку, поскольку находится въ союзѣ съ папою и ему подчиняется. Это открывается ясно изъ такого рѣшительнаго заявленія Льва В., что, кто не признаетъ приматства ап. Петра, а слѣдовательно, и его преемниковъ по кафедрѣ, тотъ низвергается во адъ (Ер. X. 2) и кто, какъ членъ, отрицается отъ него, главы, уходитъ лишенный божественнаго обѣтованія (Ер. X. предисл.). Другими словами эта мысль значить, что отверженіе приматства равно прибыванію внѣ

Церкви или исключенію изъ нея. Все, что высказывалось о главенствѣ римскаго епископа предшественниками Льва отрывочно, безъ доказательствъ въ теоріи Льва В. получаетъ видъ строго-логической системы, въ которой изъ твердо обоснованной главной посылки дѣлаются послѣдовательно и частнѣйшія выводы. Божественное происхожденіе полномочій ап. Петра и указаніе, въ чемъ состоятъ они, получаетъ у Льва В. видъ ученія, основаннаго на Св. Писаніи и фактахъ исторіи. Непрерывное преемство полномочій ап. Петра въ лицѣ его наслѣдниковъ по кафедрѣ тоже разсматривается какъ божественное установленіе и на тѣхъ-же основаніяхъ. Всѣ частнѣйшіе элементы въ общемъ понятіи главенства папы выступаютъ въ системѣ Льва В. болѣе или менѣе ясно и прямо, за исключеніемъ развѣ претензіи на свѣтскую власть. Левъ Великій говоритъ вполне ясно не только о привилегіяхъ судебной власти папы, но своими заявленіями, что на него излита болѣе обильная благодать, чѣмъ на другихъ членовъ Церкви, что онъ говоритъ, учитъ и рѣшаетъ по наставленію Господа и внушенію св. Духа (Ер. X. 9; LXXXVII: Ser. W. 1), очевидно выражаетъ мысль и о верхней административной и законодательной власти римскаго епископа въ Церкви. Назначеніе викаріевъ и дѣло по поводу 28 пр. IV Вс. Соб. могутъ служить достаточнымъ подтвержденіемъ этому. Что касается затѣмъ идеи папской непогрѣшимости, то и этотъ, собственно только частный моментъ въ понятіи приматства, заявляетъ себя въ системѣ Льва довольно ощутительно и легко можетъ быть выведенъ изъ его заявленій о себѣ, какъ „опорѣ братьевъ“ (CLXVI предисл.) „охранѣ церкви“ (Ер. XIV. 1), какъ чловѣкѣ, устами котораго говоритъ Духъ Святый (Ер. 89). Идея папства, раскрытая и приведенная въ систему Львомъ В., овладѣвая постепенно умами вѣрующихъ, могла имѣть, уже въ силу своей цѣлостности, болѣе основаній къ живучести, нежели дѣло его предшественниковъ, даже помимо его содѣйствія чисто практическому ея осуществленію. Она могла быть богата послѣдствіями, какъ руководство для преемниковъ Льва В. въ дѣлѣ дальнѣйшаго развитія и осуществленія идеи папства.

Признавая за папою Львомъ В. значеніе въ дѣлѣ чисто теоретическаго развитія идеи папства по сравненію съ предшествующей эпохой, нельзя отвергать и того, что онъ зна-

чительной степени способствовалъ и увеличенію папскаго авторитета въ глазахъ христіанъ, особенно церковей западнаго міра. Конечно Арендтъ преувеличиваетъ слишкомъ, когда говоритъ, что „черезъ стараніе Льва В. приматство получило какъ всеобщее признаніе, такъ и всеобщее вліяніе“ (стр. 413); что „въ приматствѣ папы явилось спасеніе, единство и пунктъ, сдерживающій церкви отъ разложенія; что Левъ укротилъ сильными руками бурю, которая угрожала церкви изъ ея собственнаго лона; собралъ и соединилъ расходившіяся элементы, ибо притянулъ ихъ къ своему престолу и привелъ приматство вопреки всѣмъ противникамъ къ признанію всѣхъ“ (415 стр. Arendt „Leo der grosse“...).

Въ этихъ словахъ ревностнаго католика слышится болѣе возвышенный панегирикъ великому римскому первосвященнику, нежели безпристрастная оцѣнка его дѣятельности. Если св. Левъ за свои труды на пользу Церкви въ борьбѣ съ еретиками снискалъ себѣ уваженіе и почтеніе всей Церкви Христовой, такъ что отцы собора Халкидонскаго по прочтеніи его посланія о двухъ естествахъ въ Иисусѣ Христѣ, воскликнули: „Самъ Св. Петръ говоритъ его устами“, однако это далеко еще отъ того, чтобы можно было сказать, будто приматство римскаго епископа получило всеобщее признаніе. Восточная Церковь никогда не признавала приматства въ томъ видѣ, въ какомъ его понимали римскіе епископы и въ данномъ случаѣ объ извѣстномъ усиленіи авторитета папскаго престола можно говорить только въ отношеніи къ церквамъ западнымъ. Левъ В. съ большимъ успѣхомъ, нежели его предшественники, проявлялъ свое вліяніе въ дѣлахъ Церквей: Галліи, Иллиріи, Сициліи, Испаніи и др., что, конечно, не могло не оказать вліянія на закрѣпленіе въ умахъ христіанъ западнаго міра мысли о верховныхъ правахъ въ церкви римскаго епископа, особенно послѣ изданія Валентиніаномъ III въ 445 г. эдикта, въ которомъ мысль эта получаетъ подтвержденіе со стороны верховной власти.

Имѣла ли дѣятельность папы Льва В. въ развитіи идеи папства значеніе для послѣдующаго времени и какъ далеко сказалась его вліяніе, объ этомъ можетъ говорить также „Догматическая конституція“..., изданная на Ватиканскомъ Соборѣ. Развивая свои мысли о приматствѣ римскаго епископа, отцы этого собора дважды ссылаются въ подтвержде-

ніе своихъ мыслей на ученіе объ этомъ предметѣ Льва В. Такъ, во введеніи, сказавши о созданіи Господомъ Церкви, въ которой всѣ вѣрующіе должны быть связаны единою вѣрою и любовію, отцы собора говорятъ, что постоянное начало и видимое основаніе обоихъ единствъ установлено въ ап. Петрѣ и приводятъ слова Льва: „на твердыни коего долженъ былъ создаться вѣчный храмъ и въ этой непоколебимости вѣры высота Церкви достигнуть небесъ“ (S. Leo. M. Ser. W. 2). Во второй главѣ, говоря о непрерывности первенства ап. Петра въ римскихъ епископахъ, тоже приводятъ слова Льва: „итакъ пребываетъ устроеніе истины и св. Петръ удерживаясь вѣчно въ полученной имъ твердости камня, не оставилъ принятаго имъ кормила Церкви“ (Ser. III. 3). Однородность ученія „Догматической конституціи о приматствѣ ап. Петра и непрерывности его въ лицѣ папъ съ ученіемъ объ этомъ Льва утверждается, такимъ образомъ, самимъ Ватиканскимъ Соборомъ. Очевидно, идеаль папства понятъ Львомъ В. настолько глубоко и широко, что могъ удовлетворить даже отцовъ Ватиканскаго Собора. Дѣйствительно, если сравнить содержаніе пунктовъ „Догматической конституціи“... съ главными положеніями Льва, то окажется, если не тождество, то очень значительное сходство. Объемъ власти папы, именно: судебная, административная, законодательная и ученіе о непогрѣшимости, высказывается въ опредѣленіи Ватиканскаго Собора, правда, рѣшительнѣй и отчетливѣй, нежели у Льва, а главное, папская система получаетъ догматическую санкцію и ограждается анаемой. Между тѣмъ ученіе св. Льва о привилегіяхъ ап. Петра было (по замѣчанію Пѣвницкаго) не догматическаго свойства, а скорѣй личнымъ мнѣніемъ, догматическій же характеръ придали ему позднѣйшіе защитники кафедры Петра. Но при всемъ томъ точка зрѣнія, на которой стоитъ Левъ В. по отношенію къ папству, можно сказать, одинакова съ той, на которой стоитъ папство и теперь, съ тѣмъ только различіемъ, что у Льва В. идея Церкви не поглощается еще окончательно идеей папства и папа не является воплощеніемъ самой Церкви, намѣстникомъ не ап. Петра, а Самого Христа и Бога, какъ видимъ теперь. Относительно папы Льва В. можно сказать, что онъ въ своемъ словѣ и ученіи указалъ дорогу, которой замѣтно

пользовались его преемники въ дѣлѣ дальнѣйшаго развитія и осуществленія папской идеи.

Если обратить вниманіе на эпоху дальнѣйшаго развитія папства послѣ Льва В., то нельзя не замѣтить той рѣзкости и прямоты, съ которой высказываются разныя частнѣйшія положенія папства, которыя у Льва, хотя несомнѣнно присутствуютъ, но, будучи взаимно объединены въ системѣ чужды этой рѣзкости. Это можно объяснить въ извѣстной степени тѣмъ, что у позднѣйшихъ римскихъ епископовъ замѣчается въ развитіи идеи папства, такъ сказать, односторонность и тѣмъ, что они имѣли уже подготовленную почву для себя. Такъ ближайшіе преемники Льва В. по кафедрѣ особенно развиваютъ идею папской неподсудности и непогрѣшимости (Геласій I (492—496), Гормизда I и особенно папа Агаѳонъ въ двухъ посланіяхъ 1) визант. импер. и 2) данномъ легатамъ) можетъ быть не безъ значительнаго вліянія ученія, особенно у Агаѳона. Позднѣе съ особенной рѣзкостью и настойчивостью, особенно въ устахъ Григорія VII и Иннокентія III-го, развивается ученіе о свѣтской власти папъ, каковой тенденціи чуждо стремленіе Льва возвысить авторитетъ римскаго епископа. Въ общемъ же эпоха послѣ Льва В., и особенно средневѣковая, сильна только практическимъ осуществленіемъ идеаловъ папства, а теоретическое развитіе ихъ осталось какъ бы въ пренебреженіи, по крайней мѣрѣ не всѣ папскія притязанія были аргументированы и авторизированы, какъ члены вѣры (Бѣляевъ „Догм. пап. неп.“ 5 стр.). Папы старались на дѣлѣ подчинить себѣ всѣхъ членовъ Церкви во всѣхъ отношеніяхъ, а богословы старались путемъ подложныхъ и искаженныхъ историческихъ данныхъ закрѣпить идею папства въ умахъ современниковъ. Самое же содержаніе понятія папства, какъ главенства, въ своихъ главныхъ пунктахъ чего нибудь совершенно новаго чего нельзя вывести изъ системы Льва чисто логическимъ путемъ, можно сказать, не получило и его развитіе шло по пути указанному Великимъ римскимъ первосвященникомъ Львомъ I-мъ.

Е. О—ръ.
